

интервью «недели»

Владимир
ШАИНСКИЙ:

«КАКОЙ

Я ВИЖУ

ПЕСНЮ»

— Первый, несколько традиционный вопрос: как вы пришли в музыку, как вы стали композитором?

— Мне уже пятьдесят, но я, как сейчас, помню тот день, когда меня впервые повели в оперу. Мне было тогда четыре года. В Киевском оперном театре я услышал «Садко» и «Сказку о царе Салтане». Позже мне довелось услышать множество постановок этих опер, но в моей памяти до сих пор сохранились именно те первые исполнения, которые я услышал в детском возрасте. В десять лет мама отвела меня в Киевский дворец пионеров в музыкальный кружок. Там, если можно так сказать, меня заметили — и через год приняли в Центральную детскую музыкальную школу при Киевской консерватории. Для человека, мечтающего посвятить себя музыке, да к тому же имеющего способности, которые нужно развивать, по-моему, это несколько поздно.

— Поздно, в десять лет?

— Если у человека имеются музыкальные способности, то их можно определить уже в три года. Тем более, когда родители решают, что их ребенок станет профессиональным музыкантом, то для занятия музыкой пять-шесть лет самый лучший возраст. Сейчас многие стремятся к тому, чтобы их сынишка или дочь обязательно играли на фортепиано. Это, конечно, хорошо. Если ваш ребенок занимается музыкой неохотно, как говорится, из-под палки, то не стоит особенно сердиться на него. Это еще не значит, что он не любит музыку, просто нужно привить ребенку настойчивость, способность к черновой работе, без чего его собственная игра не будет доставлять никому, да и самому ребенку, радости.

— Когда вы написали первую свою песню?

— В 1943 году, в армии, когда мне было семнадцать лет. Автор слов — мой однополчанин Анатолий Лебедев. Это была песня военных радистов. Ее быстро полхватали солдаты нашей части. Сейчас, когда написано уже много песен, само слово «подхватили» звучит для меня несколько по-иному, чем тогда. Разве можно передать словами и волнение, и радость, и какую-то неосознанную окрыленность — твою музыка звучит, твою песню поют.

— А как вы работаете с поэтом над песней?

— Спорим, ругаемся, доказываем друг другу — и все-таки расходимся друзьями. Как и каждому композитору, мне приятно иметь перед собой интересные, содержательные, написанные с большим художественным вкусом стихи. Именно стихи, а не литературную поделку — тогда и музыка пишется легче. И песня получается.

ва, так получилась песня, которая вам известна.

— Когда вы пишете, вы думаете об успехе песни?

— Странный вопрос. Конечно, и композитор, и поэт хотят написать хорошо. Но предугадать успех, честно говоря, невозможно. Но если он приходит — меньше всего о нем думаешь. Просто ты счастлив, что песня живет самостоятельной судьбой, что она нужна людям. В Польше я видел, как молодые воины распевали «Не плачь, девчонка». Я разгово-

«Дрозды»,
«Не плачь, девчонка»,
«Травы, травы...»,
«Песня крокодила Гены»,
«Улыбка»,
«Сердце мое»,
«Береза белая»,
«Багульник» и многие-многие другие песни написаны известным советским композитором Владимиром Яковлевичем ШАЙНСКИМ.

рился с солдатами, а потом как бы невзначай спросил, знают ли они фамилии авторов этой, по их словам, «полковой песни». Ребята только пожали плечами. И только один совсем безусый паренек робко сказал: «Напевно она российская людова» — «Мол, русская народная». И вы думаете, я огорчился? Ничуть. Высшее

счастье для композитора, если его песня «оторвалась» от автора и летит уже сама на собственных крыльях.

— Когда создается песня, вы думаете об исполнителе?

— Редко. Но, например, «Травы, травы...» я писал в расчете на Геннадия Белова, а совсем новую песню «А он мне нравится...» — для польской певицы Анны Герман.

— Владимир Яковлевич, многие ваши песни шагнули в жизнь с экрана, и в основном с мультипликационных лент — «Крокодил Гена», «Голубой вагон», «Чунга-Чанга», «Кузнечик», «Синяя вода», «Дважды два четыре», «Антошка»...

— Что это вы мне их старательно перечисляете? Да еще — по порядку. Я их все отлично помню. И горжусь ими не меньше, чем своими песнями для взрослых. Знаете, сколько детских откликов пришло на радио и телевидение после той же «Улыбки», — тысячи самых разных. И главное, искренних, непосредственных, веселых. Одним словом — детских. Я думаю, что не открою Америки, если скажу, что с детьми надо разговаривать тем же языком, что и со взрослыми, то есть на равных, без скидок на возраст (конечно, на соответствующую тему). Дети очень чутки на всякую фальшь и в этом смысле бескомпромиссны. Что же касается моей музыки к мультфильмам, то я к ней отношусь с полной ответственностью, как и к музыке для большого кинематографа. Мне даже кажется, что роль музыки в мультипликационных лентах, а их любят и смотрят миллионы, шире и значительнее. На нее зачастую ложится главная смысловая нагрузка, она заменяет актерскую речь.

— Еще один традиционный вопрос: ваши планы?

Ответ тоже традиционный: мои планы — это музыка, которая еще не написана.

Беседу записал
Александр ЖИГАРЕВ.

Таков мой опыт сотрудничества с Сергеем Островым («Дрозды», «Шло письмо»), Львом Ошаниным («Победа», «Ах, Наташа»), Владимиром Харитоновым («Сердце мое», «Не плачь, девчонка»), совсем новыми работами «Колыбельная» на стихи Екатерины Шевелевой, «Ждите нас» Булата Окуджавы, «Улыбка» Михаила Пляцковского и многими другими.

— Но среди авторов слов ваших песен есть и непрофессиональные поэты. Вот, скажем, одна из наиболее популярных «Травы, травы...»

— Когда я упомянул слово «поэт», я вовсе не имел в виду имя или тем более должность. Я имел в виду стихи. Иван Юшин — автор слов песни «Травы, травы...», по профессии мясник. Когда он мне показал свои стихи, они увлекли меня и поэтичностью, и лиризмом, и непосредственностью. Получилась песня, правда, не сразу; тот вариант, который известен слушателям, по счету третий. Так же рождалась и другая известная песня — «Береза белая» на стихи поэтессы Людмилы Овсянниковой. Первый вариант мне самому сначала вроде бы понравился, но спустя месяц я написал совершенно другую музыку на эти же сло-